

А.П. ЧЕХОВ

ВАНЬКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1987

«Ванька» А.П. Чехов

Кончакова Ольга Сергеевна
МОУ «СОШ №17» г. Воскресенск

Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли к заутрене, он достал из хозяйского шкапа пузырёк с чернилами, ручку с заржавленным пером и, разложив перед собой измятый лист бумаги, стал писать. Прежде чем вывести первую букву, он несколько раз пугливо оглянулся на две-

Ванька» А.П. Чехов

ри и окна, покосился на тёмный образ, по обе стороны которого тянулись полки с колодками, и прерывисто вздохнул. Бумага лежала на скамье, а сам он стоял перед скамьёй на коленях.

«Милый дедушка, Константин Макарыч! — писал он,—И пишу тебе письмо. Поздравляю вас с рождеством и желаю тебе всего от господ бога. Нету у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один остался».

Ванька перевёл глаза на тёмное окно, в котором мелькало отражение его свечки, и живо вообразил себе своего деда Константина Макарыча, служащего ночным сторожем у господ Живарёвых. Это маленький, тощенький, но необыкновенно юркий и подвижный старикашка, лет шестидесяти пяти, с вечно смеющимся лицом и пьяными глазами. Днём он спит в людской кухне¹ или балагурит с кухарками, ночью же, окутанный в просторный

¹ Людская кухня — кухня, где готовили пищу для прислуги.

«Ванька» А.П. Чехов

тулуп, ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку. За ним, опустив головы, шагают старая Каштанка и кобелёк Выюн, прозванный так за свой чёрный цвет и тело, длинное, как у ласки. Этот Выюн необыкновенно почитителен и ласков, одинаково умильно смотрит как на своих, так и на чужих, но кредитом² не пользуется. Под его почитительностью и смирением скрывается ехидство. Никто лучше его не умеет вовремя подкрасться и цапнуть за ногу, забраться в ледник или украсть у мужика курицу. Ему уж не раз отбивали задние ноги, каждую неделю пороли до полусмерти, но он всегда оживал.

Теперь, наверно, дед стоит у ворот, щурит глаза на ярко-красные окна деревянной церкви и, притопывая валенками, балагурит с дворней. Колотушка его подвязана к поясу. Он всплёскивает руками, пожимается от холода...

² Кредит — здесь: доверие.

«Ванька» А.П. Чехов

— Табачку нешто нам понюхать? — говорит он, подставляя бабам свою табакерку.

Бабы нюхают и чихают. Дед приходит в неописанный восторг, заливаясь весёлым смехом и кричит:

— Отдирай, примёрзло!

Дают понюхать табаку и собакам. Каштанка чихает, крутит мордой и, обиженная, отходит в сторону. Вьюн же из почтительности не чихает и вертит хвостом. А погода великолепная. Воздух тих, прозрачен и свеж. Ночь темна, но видно всю деревню с её белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб, деревьев, посеребрённые инеем, сугробы. Всё небо усыпано весело мигающими звёздами, и Млечный Путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потёрли снегом...

Ванька вздохнул, умакнул перо и продолжал писать:

«А вчера мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосья на двор и

«Ванька» А.П. Чехов

отчесал шпандырем¹ за то, что я качал ихнего ребя-тёнка в люльке и по нечаянности заснул. А на неде-ле хозяйка велела мне по-чистить селёдку, а я начал с хвоста, а она взяла селёд-ку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Под-мастерья надо мной насме-хаются, посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы, а хозяин бьёт чем попадя. А еды не-ту никакой. Утром дают хлеба, в обед каши и к ве-черу тоже хлеба, а чтоб чаю или щей, то хозяева сами трескают. А спать мне ве-лят в сенях, а когда ребяте-нок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на де-ревню, нету никакой моей возможности... Кланяюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня от-сюда, а то помру...»

Ванька pokrивил рот, потёр своим чёрным кула-ком глаза и всхлипнул.

¹ Шпандырь — ремень, которым са-пожники прикрепляют работу к ноге.

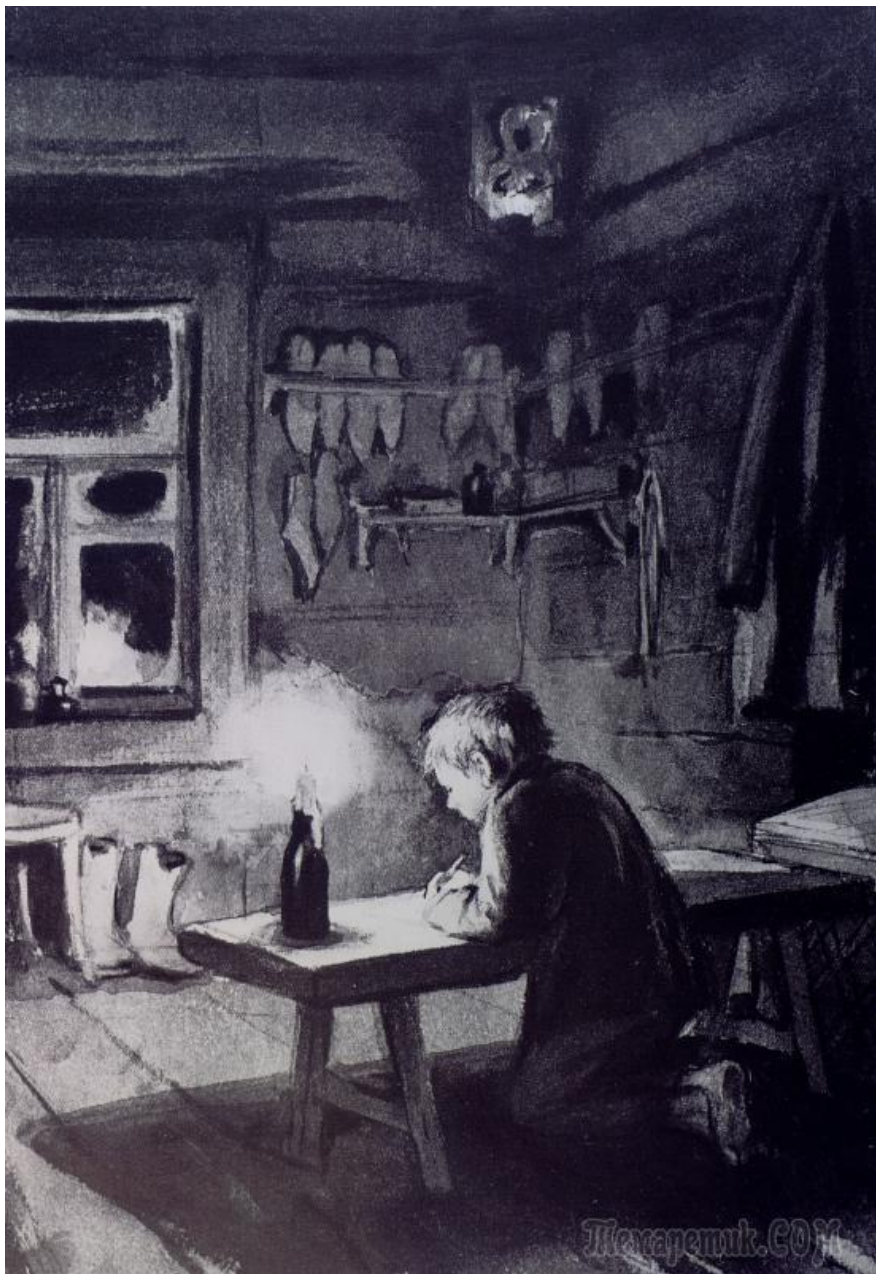
«Ванька» А.П. Чехов

«Ванька»
А.П. Чехов

«Ванька»
А.П. Чехов

«Ванька»
А.П. Чехов

«Я буду тебе табак тереть, — продолжал он, — богу молиться, а если что, то секи меня, как Сидорову козу. А ежели думаешь, должности мне нету, то я Христа ради попрошусь к приказчику сапоги чистить али заместо Федьки в подпаски пойду. Дедушка милый, нету никакой возможности, просто смерть одна. Хотел было пешком на деревню бежать, да сапогов нету, морозу боюсь. А когда вырасту большой, то за это самое буду тебя кормить и в обиду никому не дам, а помрёшь, стану за упокой души молить, всё равно как за мамку Пелагею.

А Москва город большой. Дома всё господские, и лошадей много, а овец нету, и собаки не злые. Со звездой тут ребята не ходят и на клирос петь никого не пускают, а раз я видел в одной лавке на окне крючки про-

«Ванька» А.П. Чехов

даются прямо с леской и на всякую рыбу, очень стоящие, даже такой есть один крючок, что пудового сома удержит. И видал которые лавки, где ружья всякие, на манер бариновых, так что небось рублей сто каждое... А в мясных лавках и тетерева, и рябцы, и зайцы, а в котором месте их стреляют, про то сидельцы не сказывают.

Милый дедушка, а когда у господ будет ёлка с гостинцами, возьми мне золочёный орех и в зелёный сундучок спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи — для Ваньки».

Ванька судорожно вздохнул и опять уставился на окно. Он вспомнил, что за ёлкой для господ всегда ходил в лес дед и брал с собою внука. Весёлое было время! И дед крикал, и мороз крикал, а глядя на них, и Ванька крикал. Бывало, прежде чем вырубить ёлку, дед выкуривает трубку, долго нюхает табак, посмеивается над озябшим Ванюшкой... Молодые ёлки, окутанные инеем, стоят неподвижно и ждут, которой из них помирать. Откуда ни возмись, по сугробам летит стрелой заяц... Дед не может, чтоб не крикнуть:

— Держи, держи... держи! Ах, куцый дьявол!

Срубленную ёлку дед тащил в господский дом, а там принимались убирать её... Больше всех хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки. Когда ещё была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господ в горничных, Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и, от нечего делать, выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцевать кадрили. Когда же Пелагея умерла, сиротку Ваньку спровадили в людскую кухню к деду, а из кухни в Москву, к сапожнику Аляхину...

«Приезжай, милый дедушка,— продолжал Ванька,— Христом богом тебя молю, возьми меня отседа. Пожалей ты меня, сироту несчастную, а то меня все колотят,

«Ванька»
А.П. Чехов

и кушать страсть хочется, а скука такая, что сказать нельзя, всё плачу. А намедни хозяин колодкой по голове ударил, так что упал и насилу очухался. Пропавшая моя жизнь, хуже собаки всякой... А ещё кланяюсь Алёне, кривому Егорке и кучеру, а гармонию мою никому не отдавай. Остаюсь твой внук Иван Жуков, милый дедушка, приезжай».

Ванька свернул вчетверо исписанный лист и вложил его в конверт, купленный накануне за копейку... Подумав немного, он умакнул перо и написал адрес:

На деревню дедушке

Потом почесался, подумал и прибавил: «*Константину Макарычу*». Довольный тем, что ему не помешали писать, он надел шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо в рубахе выбежал на улицу...

Сидельцы из мясной лавки, которых он расспрашивал накануне, сказали ему, что письма опускаются в почтовые ящики, а из ящиков развозятся по всей земле на почтовых тройках с пьяными ямщиками и звонкими колокольцами. Ванька добежал до первого почтового ящика и сунул драгоценное письмо в щель...

Убаюканный сладкими надеждами, он час спустя крепко спал... Ему снилась печка. На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам... Около печи ходит Вьюн и вертит хвостом...

«Ванька» А.П. Чехов

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

1860 – 1904 г.г.

Великий русский писатель, известный во всём мире.

Лев Николаевич Толстой назвал Антона Павловича Чехова «Несравненным художником жизни».

Рассказы Чехова о детях – непревзойдённые шедевры русской литературы.